

7. Сегодня день Черного знамени (<http://www.obozrevatel.com/news/2006/11/21/145713.htm>).
8. <http://novsvet.narod.ru/43liga.htm>
9. Цовма М. Символы анархии (<http://new-novsvet.narod.ru/o47-16.htm>)
10. Лиман К. Знамя анархистов (<http://g-l-a.hut1.ru/stati/Anarch12.htm>)
11. См. на сайте http://ru.wikipedia.org/wiki/термин_«Анархистская_символика»
12. Там же.
13. <http://avtonom.org/index.php?sid=30>

14. См.: <http://xedin-anarhist.narod.ru/Simvilika.htm>
15. <http://ru.wikipedia.org/wiki/RASH>; См. также: Антонов А. Разные скинхэды (<http://www.prima-news.ru/news/articles/2002/6/13/10862.html>)
16. <http://www.revkom.com/>
17. Ковалева А. Александр Хабаров: «Че Гевара давно превратился в раскрученный бренд». Проклятие Че Гевары. Особая магия героя революции. (<http://www.izvestia.ru/culture/article34755/>)
18. См.: <http://ikd.ru/taxonomy/term/18>
19. Там же.

Марио Магайон Анайя

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ ДИСКУРС XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Марио Магайон Анайя

доктор философских наук, профессор, ведущий сотрудник Координационного Центра по Распространению Латиноамериканских Исследований Национального Автономного университета Мексики (CECyDEL UNAM)

История и утопия

Если мы мысленно «пробежим» по дорогам истории Латинской Америки и стран Карибского бассейна, то обнаружим, что борьба за свободу и независимость, начавшаяся восстанием черных рабов Гаити в 1804 году, исторически была ознаменована событиями и структурными преобразованиями, укладывающимися в рамки зависимого капитализма, и нашедших свое отражение в развитии идей и практики борьбы, связанной не только с формированием наций, но и направленной против капиталистической эксплуатации и угнетения, за утверждение идеалов справедливого будущего.

На протяжении почти всей латиноамериканской истории XIX века мы встречаемся с предшественниками освободительных концепций социализма, разбавленных идеями томизма, номинализма, либерализма и анархизма с четко выраженными чертами утопического мышления, стремившегося превзойти горизонт настоящей истории и заглянуть в будущий мир надежды, равенства и социальной справедливости. Среди предшественников социалистических идей мы находим такие фигуры как Симон Родригес, Симон Боливар, Франсиско де Миранда, Фрай Сервандо Тереза де Миер, Мигель Идальго, Хосе Мария Морелос, Эстебан Эчеверрия, Хосе Викторiano Ластаррия, Франциско Бильбао, Хуан Монтальво, Хосе Марти, Гонсалес Прада и Техера, Хосе Инхениерос, Рикардо Флорес Магон, Отилио Монтаньо. Многие из этих мыслителей опирались на идеалы Великой Французской революции, идеи французского либерализма, позитивизма, неокантианства, пантеизма, неотомизма и интуитивизма, и эта пестрая идеологическая амальгама питала собой теологические, метафизические и идеологические баталии.

Эти идейные сражения происходили на фоне вооруженных выступлений и социальных движений крестьян, рабочих,

индейцев, женщин, а также различных городских, сельских и культурных организаций, поднимавшим вопрос о необходимости экономических, социальных и политических преобразований в соответствии с историческими реалиями каждой латиноамериканской нации, образующих в своей совокупности Великое Отечество, о котором когда-то мечтал Симон Боливар, и которое отнюдь не всегда и отнюдь не во всем соответствует историческим тенденциям современного глобализующего мира. Поэтому сегодня, как никогда раньше, актуальна задача поиска преодоления господства неокOLONиального режима, замаскированного под мондиализм.

Современные размышления о модернизме и утопизме в латиноамериканской общественно-исторической реальности ведутся в плодотворном русле междисциплинарного анализа, позволяющего раздвинуть возможные горизонты сотрудничества между различными представителями социально-гуманитарного знания. В этих размышлениях участвуют философы и антропологи, историки и литераторы, социологи и юристы, экономисты и лингвисты, объединенные вокруг истории философских идей Америки и Карибского бассейна.

Утопическая концепция плюралистического и альтернативного латиноамериканского модернизма оказалась весьма живучей, несмотря на неоднократные заверения посмодернистской философии о её кончине. Последнего, к счастью, не произошло, ибо эта концепция имеет глубокие корни в региональной истории, а также в несправедливой и антидемократической современности, чуждой уз солидарности, объединяющей нас с другими, а значит, и чуждой коренным интересам всего человечества.

Следует отметить, что новые тенденции в эпистемологии и методологии латиноамериканских исследований, делают акцент на интегративном анализе и базируются на оптимизме и надежде на приход лучшего будущего на земле.¹ В этом контексте, откровенный диалог, теоретический поиск обогащает значение накопленного опыта и побуждает к более глубоким размышлениям по поводу утопического проекта латиноамериканского модернизма. В этом историческом горизонте ведется поиск утопической грамматики и аксиологической таксономии утопии экзистенциального проекта. Вслед за Жоржем Стайнера, мы понимаем под общей грамматикой «артикулированную организацию восприятия, размышления и опыта; нервную структуру сознания, когда последнее вступает в коммуникацию с самим собой и с другими (...). Надежда и страх являются

высшими фикциями, опирающимися на синтаксис. Они столь же неотделимы друг от друга, как и неотделимы от грамматики. Надежда несёт в себе страх не быть осуществленной; страх содержит в себе частицу надежды, предчувствие своего преодоления. Именно статус надежды является сегодня проблематичным. На любом уровне, за исключением тривиальности или сиюминутности, надежда предполагает трансцендирование, выход за пределы настоящего. В строгом смысле этого слова надежда опирается на метафизические предпосылки, и означает, возможно, не вполне оправданную инверсию, покупку «будущего», как сказал бы биржевой маклер. «Надеяться» - это акт речи, форма коммуникации, внутренняя или внешняя, которая предполагает слушателя, и таковым может быть наше собственное «я»².

В условиях разнообразия философских и социально-политических горизонтов истории Латинской Америки XIX - начала XX веков, утопический дискурс, исполненный надежды на преобразования социальной реальности, на освобождение трудящихся масс от гнета и эксплуатации, служил цементирующим началом поиска лучшего будущего. Для достижения этой цели применялись различные стратегии, направленные, с одной стороны, на преодоление обветшалых испанских традиций, а с другой, на освобождение от механического копирования моделей европейской культуры. Эта тенденция к самобытности не препятствовала, однако, беспощадной критике практики открытого или скрытого геноцида, осуществлявшегося правящей элитой против коренных народов и трудящихся масс. Именно в это время Хуан Монтальво, Хосе Марти и другие мыслители выдвигают прото-социалистическую, антиимпериалистическую программу, основанную на идеях анархосоциализма, марксизма, либерализма, теософии и романтики, программу направленную на поиски преодоления отчуждения, эксплуатации и нищеты народов Латинской Америки, на осуществление идеалов свободы, справедливости и социальной солидарности.

Справедливости ради следует отметить, что революционный утопист XIX – XX веков, независимо от своей идеологической ориентации, нередко рассматривал себя в качестве «народного избранника», истолкователя тенденций общественного развития и даже пытался возводить себя в ранг пророка «новой сакральности», рассматривавшей историческую реальность через призму антиномий добра и зла, левого и правого, революции и реакции, антиномий, претендующей на универсальное постижение человека. Этот антиномический лексикон, хотя и не чуждый определенного рационального зерна, в действительности стремился исключить из поля своего зрения тенденции, не соответствующие этому «тотальному» видению. Многие пророки утопии превратились в оракулов, не терпящие никакой критики в свой адрес и не желающие никого слушать. Из этого следует, что критика утопического сознания невозможна без критики и объективного анализа исторической реальности в различных её измерениях.

Диалектика истории проявляется, помимо всего прочего, в тексте, в дискурсе, в разнообразных смысловых, символических и семантических манифестациях. Будучи экспликативным и интерпретативным выражением, текст задает грамматический порядок повествованию и образует внутри себя виртуальные адресаты, ибо задача дискурса состоит в организации идей и понятий в определенную структуру, а стало быть, наррация – это отнюдь не невинный или нейтральный дискурс, а дискурс,

предполагающий определенную моральную ответственность.

Латиноамериканскую утопию XIX-XX веков мы можем встретить в текстах, документах и других исторических «артефактах». Анализируя политические и культурные программы интеллектуалов, мы наблюдаем, что в своих планах, программах и исторических предсказаниях они стремились предвидеть и предугадать все возможные варианты развития будущего. Нередко они даже ухитрялись встраивать свои утопические проекты в государственные программы.

Утопизм, анализируемый с позиции рациональности, предполагает осознание конечности человека, как исторического существа, который существует в рамках определенного времени, но который, одновременно, может выходить за границы наличного и непосредственно-данного. История должна быть понята как то, посредством чего человек выражает свое бытие и производит условия собственного существования, но существования, отмечанного печатью нестабильности. Хосе Гаос писал по этому поводу: «История – это выражение смысла бытия человека как существа неустойчивого. Без сознания этой предпосылки невозможно и немислимо обеспечить стабильность человеческого бытия. История в этом смысле - предпосылка бытия философии. История и философия - это две сознательные, четко зафиксированные и взаимно скоррелированные друг с другом манифестации человеческой природы, которая стремится выйти за собственные пределы: нестабильность, незащищенность, движение во времени тяготеет к стабильности, защищенности и к покою в вечности».³

История и историческое сознание «спасают» человека от коррозии временем. Можно сказать, что в этом «спасении» проявляется главная интенция истории, которая становится возможной только благодаря деятельности человека, устремленной к горизонту будущего. Утопические проекты отливаются в дискурс, в котором «революция» выступала в качестве парадигмы реального изменения, а революционный захват власти считался едва ли не единственной возможной формой осуществления утопий прошлого. Уругвайский исследователь утопизма Фернандо Аинса подчеркивает: «В этой проекции утопическое сознание «работает» внутри исторического настоящего, содействуя завоеванию власти путем прямого действия, то есть, путем вооруженной борьбы, восстания или революционного переворота. Утопический проект превращается в реальный дискурс тогда, когда революция выступает парадигмой реального изменения, и в этой перспективе единственным способом «осуществления» утопии является захват революционной власти».⁴

Анархосиндикализм

История показывает, что после установления господства Иберии над странами Латинской Америки господствующей идеологией колониального режима вплоть до обретения ими своей национальной независимости оставался христианский либерализм, на который оказывали определенное влияние идеи французского и английского либерализма. После свержения колониального режима возникает либерализм позитивистского толка, распространяется неосхоластика, спиритуалистические и пантеистические течения, такие, например, как крауизм и некоторые другие теософские доктрины.

Другим примером социального движения и тесно связанной с ним общественной мысли является анархосиндикализм (только в последние годы начинающий исследоваться новым поколением латиноамериканистов в различных его модификациях), который в конце XIX - начале XX века получил широкое распространение от Рио Гранде, на севере до Огненной Земли, на юге. Перед нами стоит задача восстановить и исследовать это обширное и ещё плохо изученное идейное наследие. Я хотел бы отметить, что этот поиск забытой исторической идеологии не есть простая дань «ностальгическому сентиментализму» и не попытка противопоставить её либеральным или марксистским догмам, а скорее, намерение восстановить живое значение прошлого анархизма в свете потребностей настоящей и будущей социальной борьбы в нашей Америке.

Анархизм в Латинской Америке и странах Карибского бассейна имеет богатую практику мирной и насильственной борьбы. История либертарного движения наполнена героическими усилиями по социальному и политическому переустройству латиноамериканского общества, по организации и пропаганде своих идей в литературных произведениях, на театральных подмостках, в педагогике и кооперативизме. Некоторые историки общественной мысли американского субконтинента проходят мимо или не придают должного значения анархистскому движению. Другие, игнорируя исторические факты, считают анархизм «маргинальной» и, что самое главное, утопической идеологией ничтожного и презренного меньшинства. Наконец, третьи, признают, что анархизм сыграл значительную роль в истории социалистических идей в Латинской Америке, но, тем не менее, исходя из его критического отношения к марксизму, они стремятся принизить его теоретическое значение, оценивают его идеи лишь как проявление «революционной незрелости», «абстрактного утопизма», «ремесленного бунта» рабочих, крестьян, этнических групп индейцев и «мелкой буржуазии».

Венесуэльский философ Анхел Мария Каппелетти пишет в этой связи: «Анархизм был не только идеологией пролетарских масс и обездоленных крестьян, прибывших на новый континент и чувствовавших себя обманутыми в своих надеждах на лучшую жизнь, ибо в действительности гнет старых монархий был заменен на не менее жестокое угнетение со стороны новых республиканских олигархий. Очень скоро анархистское мировоззрение было усвоено и автохтонными массами индейцев от Мексики (Залагоста из Чалько) до Аргентины (Факон Гранде из Патагонии). Очень редко обращают внимание на то, что анархистская доктрина самодетельного коллективизма в аграрном вопросе фактически совпадала с древним способом организации жизни индейцев Мексики и Перу, организации, предшествующей не только испанскому империализму, но и империализму ацтеков и инков. Анархистам, прибывшим к индейцам, не надо было внушать им какую-то экзотическую идеологию, а достаточно было просто оживить стихийные крестьянские идеи «кальпулли» и «айулли».⁵

Таким образом, в истории нашей Америки можно встретить богатство критических и аналитических идей анархистской ориентации всех спектров и политических оттенков – от экстремизма до толерантности по отношению к государству и его институтам. Тем не менее опыт либертарного движения Латинской Америки не внес ничего принципиально нового в философию анархизма. Однако в организационном плане и в практических действиях латиноамериканский анархизм

развил новые формы, неизвестные практике европейского анархосиндикализма. В конце XIX - начале XX века в различных латиноамериканских странах анархизм проявлял себя по-разному. Например, Рабочая Региональная Организация Аргентины (FORA) была настолько радикальной, что Национальный Совет Трудящихся Аргентины оценивал её как крайне экстремистское движение. Напротив, в Уругвае анархизм был более умеренным, а стало быть, и менее преследуемым со стороны государственных властей. В Мексике идеи лидера анархизма Рикардо Флореса Магона оказали значительное влияние на революционную борьбу против диктатуры Порфирио Диаса, а главная организация анархистского движения Мексики Дом Мирового Рабочего оказывала поддержку «красными батальонами» правительству Венустиано Каррансы в его вооруженной борьбе против отрядов Франсиско Вильи и Эмилиано Сапаты. Правда, несколько лет спустя руководители Генерального Совета Трудящихся (CGT) выражали свое несогласие с политикой президента Альваро Обрегона. Напротив, в Бразилии анархизм всегда находился вне закона и военная олигархия этой страны систематически чинила расправы над его сторонниками путем репрессий, ссылок и тюремных заключений.

С 1918 по 1923 годы в ряде латиноамериканских стран весьма широкое распространение получил «анархо-большевизм». В Аргентине, Уругвае, Бразилии и Мексике многие анархисты под воздействием Октябрьской революции 1917 года объявили себя сторонниками Ленина и выражали горячую поддержку советскому правительству, хотя при этом они не переставали считать себя анархистами. После смерти Ленина это течение постепенно сошло на нет, а сторонники Сталина уже не называли себя анархистами.

Почти во всех странах Латинской Америки и Карибского бассейна анархистские идеи оказали определенное влияние на литературу и искусство того времени. Многие влиятельные писатели, поэты и художники выражали им свои несомненные симпатии. Например, в Уругвае и в Аргентине в период с 1890 по 1920 годы большинство писателей в той или иной форме находились под влиянием анархизма. В других латиноамериканских странах воздействие либертарной идеологии на поэзию и литературу было даже более значительным, чем её влияние на рабочее движение. Справедливости ради, следует все-таки отметить, что только в Аргентине анархизм стал господствующим течением в литературно-художественных кругах, тогда как в других странах латиноамериканского континента анархистские интеллектуалы так и не смогли возвыситься до уровня художественной элиты или революционного авангарда и ещё в меньшей степени они были связаны с университетами или официальной культурой. В этом, пожалуй, состоит главное отличие анархизма от идей социализма и марксизма.

Перевод с испанского М. А. Малышева

1. Хорошим примером этого междисциплинарного усилия может служить сборник, составленный под руководством Орасио Черутти Гульдберга и Оскара Агуэра. Horacio Cerutti Guldberg, Oscar Agüera (Coordinadores), *Utopía y nuestra América*, Ecuador, Abya-Yala, 1996.

2. George Steiner, *Gramáticas de la creación*. Madrid, Ciruela, 2002, pp. 15-16.

3. José Gaos. *Orígenes de la filosofía y de su historia*, Jalapa, Universidad Veracruzana, 1960, p. 21.

4. Fernando Ainsa. "Bases para una nueva función de la utopía en América Latina". En: *Utopía y nuestra América*, p. 10.

5. Ibid., "Prologo".